

УДК 811.512.211

DOI 10.51955/2312-1327_2021_2_36

УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

*Иннокентий Николаевич Новгородов,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
доктор филологических наук,
член диссертационного совета Д 003.076.01 на базе ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»,
ул. Петровского, 1
Якутск, 677027, Россия
i.n.novgorodov@mail.ru*

Аннотация. В настоящее время обсуждается базисная лексика в целях генетической классификации сопоставляемых идиом, в которой будет учитываться как древовидная модель (дивергенция), так и факты заимствования языков (конвергенция). Для достижения цели будет использована методология не только сравнительно-исторического языкознания, но и популяционной генетики. Статья нацелена на установление классификационного статуса восточного наречия эвенского языка на базе изучения устойчивого словарного фонда. Одни лингвисты считают, что эвенский язык произошёл от тунгусского промежуточного праязыка, другие придерживаются положения о том, что эвенский возник на основе эвенкийского языка. Сравнительным изучением фонда было установлено, что восточное наречие эвенского языка 1) начало формироваться в недрах тунгусо-маньчжурского праязыка до 3 века н.э. в местах, примыкающих к морскому региону; 2) развивалось а) в тунгусском промежуточном праязыке в местах, примыкающих к морскому региону с запада и севера после 5 века н.э., б) в эвенкийском языке в Циркумбайкальском регионе в 12 – 16 веках н.э., в) в Якутии после 14 века, после отделения эвенского языка от эвенкийского, причём в настоящее время наблюдаются активные процессы словообразования.

Ключевые слова: компаративистика, устойчивый словарный фонд, тунгусо-маньчжурские языки, восточное наречие эвенского языка.

THE LEIPZIG-JAKARTA LIST IN A GENETIC CLASSIFICATION ON AN EXAMPLE OF THE EVEN LANGUAGE EASTERN DIALECT

*Innokentiy N. Novgorodov,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
Doctor of Philological Sciences,
a member of specialized council for doctoral dissertations D 003.076.01 on the base of the Federal
Research Centre “The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences”
Petrovsky st, 1
Yakutsk, 677027, Russia
i.n.novgorodov@mail.ru*

Abstract. Currently, the basic vocabulary is being discussed in order to establish a classification of the compared idioms, taking into account both the tree model (divergence) and the facts of borrowing languages (convergence) using not only comparative historical linguistics, but

also population genetics. The purpose of the article is to establish the classification status of the eastern dialect of the Even language based on the study of the Leipzig-Jakarta list. Some linguists believe that the Even language originated from the Tungus intermediate proto-language, while others adhere to the position that Even arose on the basis of the Evenki language. On the basis of a comparative study of the list, it was established that the eastern dialect of the Even language 1) was formed from the Tungus-Manchu proto-language before the 3rd century AD. in places adjacent to the maritime region; 2) developed a) in the Tungus intermediate proto-language in places adjacent to the sea region from the west and north after the 5th century A.D., b) in the Evenki language in the Cirkumbaikal region in the 12th - 16th centuries A.D., c) in Yakutia after the 14th century, after the separation of the Even language from the Evenki language, moreover, active word formation processes are currently observed.

Key words: comparative studies, the Leipzig-Jakarta list, the Tungus-Manchu languages, an eastern dialect of the Even language.

Introduction (Введение)

Статья продолжает ранее начатые публикации по тунгусо-маньчжурским языкам [Новгородов, 2018а; Новгородов, 2018б; Новгородов и др., 2019а; Новгородов и др., 2019б; Novgorodov et al., 2020].

Следует отметить, что базисная лексика на материале языков алтайской общности изучалась А.В. Дыбо [Дыбо, 2013] в виде списка М. Сводеша [Swadesh, 1955] применительно к тюркским языкам; причём на основании списка была установлена их классификация и отношение к алтайским языкам. Список М. Сводеша также использовал в изучении характера связей алтайских языков Дж. Клоусон [Клоусон, 1969]. Этот же список использовал С.А. Старостин в изучении отношения японского языка к алтайским [Старостин, 1991].

Известно, что при дивергенции родство языков может быть доказано только на основании материальных совпадений между языками, то есть случаев, когда морфемы с одним и тем же значением в разных языках связаны между собой регулярными фонетическими соответствиями. При изучении флективных языков обычно главное внимание обращается на служебные морфемы – суффиксы и окончания; но для аналитических языков приходится довольствоваться сопоставлением слов (или корней). Правда, слова могут заимствоваться из одного языка в другой. Но есть некоторые области лексики, где заимствования почти невозможны, например: местоимения, названия частей тела, родственных отношений, важнейших явлений природы, некоторые наиболее употребительные глаголы и прилагательные и т.п. С другой стороны, слова, связанные с культурой или хозяйством, заимствуются сравнительно легко. Поэтому соответствия в лексике являются доказательством родства языков только в том случае, если они относятся преимущественно к её «незаимствуемым» областям [Яхонтов, 1965, с. 14].

С.Е. Яхонтов утверждает, что для доказательства родства языков должны быть приняты во внимание преимущественно почти незаимствуемые области лексики (то есть базисная лексика), в отличие от заимствуемых, причём первые должны быть связаны системой регулярных фонетических соответствий.

Однако происхождение языков связано не только с дивергенцией, но и конвергенцией. В этом случае древовидную модель развития родственных

языков необходимо дополнить и фактами заимствования языков. В последнем случае в западной лингвистике используется термин языкового сдвига (language shift), а в отечественном языкознании речь идёт о традиционных терминах субстрата и суперстрата.

Для установления конвергентного происхождения языка предлагается процедура изучения языков, имеющих значительное сходство, с последующим генетическим исследованием их носителей [Комри, 2000].

Указанную процедуру я предлагаю дополнить изучением базисной лексики.

Обращение к базисной лексике важно не только для установления характера связей языков, но и для целей их классификации, установления их соотношения. Например, Н.З. Гаджиева применительно к тюркским языкам подчёркивала, что для разработки более точной классификации необходимо расширение набора дифференциальных признаков при учёте чрезвычайно сложного диалектного членения [Гаджиева, 1990, с. 527]. При этом предлагается обращение к лексике разных тюркских языков в целях подсчёта общих слов для определения их степени близости. Автор указывает, что открываются широкие возможности для применения современных статистических методов и использования счетно-электронных машин. Лингвист предполагает, что результаты, которые будут при этом получены, заставят внести коррективы в существующие классификационные схемы тюркских языков [Гаджиева, 1980].

Таким образом, на основе исследования базисных слов выявляется система регулярных фонетических соответствий, доказывающая дивергентное родство языков, с одной стороны, а также устанавливаются фонетические соответствия, возникшие на базе конвергенции, с другой стороны. Далее, предлагается изучение соотношения сопоставляемых идиом в целях установления их классификации с учётом как древовидной модели (дивергенция), так и фактов заимствования языков (конвергенция). Для достижения цели будет использована методология не только сравнительно-исторического языкознания, но и популяционной генетики.

Базисная лексика была представлена в виде списков. Известны списки М. Сводеша и устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list).

В данной статье обращается внимание на изучение устойчивого словарного фонда (The Leipzig-Jakarta list) [Тадмор, 2009, с. 55-75]. Этот список выявлен на основе данных самого языка в соответствии с критериями, а не интуиции и знаний самого исследователя, например, список М. Сводеша.

100-словный устойчивый словарный фонд выявлен из 18 тематических групп: 1) the physical world/физический мир, 2) kinship/родство, 3) animals/животный мир, 4) the body/части тела, 5) food and drink/еда и питье, 7) the house/дом, 8) agriculture and vegetation/с/х и растительность, 9) basic actions and technology/ основные действия и технология, 10) motion/движение, 11) possession/обладание, 12) spatial relations/пространственные отношения, 13) quantity/количество, 14) time/время, 15) sense perception/чувственное восприятие, 16) emotions and values/эмоции и ценности, 17) cognition/познание,

18) speech and language/язык и речь, 24) miscellaneous function words / различные функциональные слова.

Как пишут авторы в книге «Loanwords in the World's languages», при создании этого списка слова выделялись по критериям: устойчивость к заимствованию (unborrowed score), всеобщность (representation score), доступность для восприятия (simplicity score), степень архаичности (age score), совокупность указанных данных (composite score) [Tadmor, 2009, p. 68].

В изучении устойчивого словарного фонда нужно иметь в виду, что любое слово может быть заимствовано, так как не существуют языки, в которых не отражались бы контакты носителей с различными народами.

Ранее в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда был изучен устойчивый словарный фонд тюркских языков (The Leipzig-Jakarta list) [Новгородов, 2016] и проведён международный научный симпозиум «Устойчивый словарный фонд тюркских языков как источник междисциплинарных комплексных исследований» в г. Москва, в 2016 году [Новгородов, 2017].

Обращение к теме устойчивого словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков предопределено установлением характера их связей с алтайской языковой общностью, выявления соотношения языков и последующих сравнительно-исторических исследований с применением генетических методов для написания классификации тунгусо-маньчжурских языков, учитывающей факты дивергенции и конвергенции, в целях выявления таксономических единиц (ветвей, групп), написания истории отдельных указанных языков.

Актуальность обращения к данной теме для эвеноведения состоит в установлении соотношения диалектного материала и особенностей происхождения и эволюции эвенского языка.

Так, одни лингвисты утверждают, что эвенский язык возник на базе эвенкийского [Doerfer, 1985, SS. 11-12, 279-283, 296-297]. Другие не включают эвенский язык в таксономические единицы, возникшие на базе эвенкийского, и возводят к промежуточному тунгусскому праязыку [Robbeets, 2015, p. 18]. При этом возникает вопрос: произошёл ли эвенский язык на базе тунгусского промежуточного праязыка или на основе эвенкийского?

На мой взгляд, для решения вопроса прежде всего необходимо обратиться к анализу единиц устойчивого словарного фонда.

Materials and methods (Материалы и методы).

Известно, что восточное наречие эвенского языка положено в основу литературного языка эвенов.

В статье рассматривается устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) восточного наречия эвенского языка по материалам носителя березовского говора Нестеровой Елены Васильевны, а также данным «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975, 1977].

Пользуясь случаем, приношу свою искреннюю признательность кандидату филологических наук, научному сотруднику Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук Нестеровой Елене Васильевне за всестороннее обсуждение статьи. Следует отметить, что Е.В. Нестерова не несёт ответственности за эту работу.

В статье используется сравнительный метод. Процедура сравнения производится в определённой последовательности. Прежде всего, сравниваются данные одного языка с архаизмами, сохранившимися в его древних письменных памятниках или современных диалектах. Затем привлекают данные близкородственных языков. Наконец, привлекают данные языков, принадлежащих к одной и той же языковой семье.

Для того чтобы произвести указанную процедуру, необходимо опираться на классификацию языков.

Имеется несколько классификаций тунгусо-маньчжурских языков. На основе сравнения были установлены фонетические соответствия и морфологические особенности тунгусо-маньчжурских языков, которые были изложены в трудах В.И. Цинциус, Й. Бенцинга [Цинциус, 1949; Benzing, 1955].

На мой взгляд, одним из основных вопросов систематизации тунгусо-маньчжурских языков является положение нанайского языка: этот язык включается у различных авторов в северную, южную, центральную и нанайско-орокскую ветви (группы) [Суник, 1997, с. 154; Цинциус, 1949, с. 35; Doerfer, 1985, SS. 11-12, 279-283, 296-297; Ikegami, 1974, S. 271]. Автор статьи придерживается положения о бинарном делении современных тунгусо-маньчжурских языков на: маньчжурскую группу, включающую маньчжурский, и тунгусскую группу, состоящую из: эвенкийского, солонского, эвенского, негидальского, удэгэйского, ороцкого, нанайского, ульчского и орокского. Эвенский язык все авторы относят к тунгусской группе или северной ветви тунгусо-маньчжурских языков. Как было отмечено ранее, отличие взглядов учёных состоит в том, что одни утверждают, что эвенский язык возник на базе эвенкийского, а другие не включают эвенский язык в таксономические единицы, возникшие на основе эвенкийского, и возводят к промежуточному тунгусскому праязыку. Заметим, что в тунгусской группе языков отсутствуют древние письменные памятники, в то время как в маньчжурской группе представлены средневековые чжурчженьские источники. Фиксация языковых особенностей тунгусской группы начинается с XVII века, с присоединением Сибири к Русскому Царству.

Наречия эвенского языка выделяются по фонетическим признакам на основании соответствия согласных *c – h* в середине и конце слова и гласных *ы – о*; ср. восточное *аси* ‘женщина’, *амын* ‘отец’ – западное *аһи*, *амон* – среднее *аһи*, *амын*. Названия мест проживания эвенков в соответствующих районах субъектов Российской Федерации легли в основу наименований говоров эвенских наречий. Классификация говоров восточного наречия эвенского языка была дополнена названиями гидронимов, в бассейнах которых происходит жизнедеятельность эвенков. Известно, что восточное наречие состоит из анадырского (р. Анадырь), быстринского (р. Быстрая), колымско-омолонского (р. Колыма, р. Омолон), ольского (р. Колыма), охотского (р. Иня, р. Ульбея, р.

Охота, р. Кухтуй, р. Урак), пенжинского (р. Пенжина), северо-эвенского (р. Гижига), берёзовского (р. Берёзовка) говоров.

Теоретически изучаемый фонд может отражать: 1) тунгусо-маньчжурский (т.-ма.); 2) тунгусский (тунг.); 3) эвенский (эвен.) и 4) восточноэвенский (эвен. Е) пласты лексики эвенского языка.

Ниже представлен устойчивый словарный фонд восточного наречия эвенского языка, который зафиксирован в одном или нескольких из указанных восточных говоров.

Цифра 1 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; 'ant' – значением пункта на английском языке; 'муравей' – значением слова на русском языке; 3. 817 – идентификационным номером списка базы данных «World loan word» по конкретной тематической группе, которая доступна по адресу [<http://wold.clld.org/meaning>]; *этьргэн* – формой слова.

1 ant 'муравей' 3.817 *этьргэн* < эвен. Е [ССТМЯ, 1977, с. 471];

2 arm/hand 'рука' 4.33 *һал* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 656];

3 ash 'пепел' 1.84 *һултэн* (ср. нан. *пун'эктэ*) < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 347];

4 back 'спина' 4.19 *һ'ири* 'спина' < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 640];

5 big 'большой' 12.55 *эгээн* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 359];

6 bird 'птица' 3. *дэуи* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 229];

7 to bite 'кусать' 4.58 *кик-* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 391];

8 bitter 'горький' 15.37 *идарси* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 297]; *гот, гэтинчу* (ср. ма. *госихон* 'горький') < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 182];

9 black 'черный' 15.65 *иалраня* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 290]; *һакарин* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 56];

10 blood 'кровь' 4.15 *һуңэл* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 351];

11 to blow 'дуть (о ветре)' (intransitive) 10.38 *эдэн-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 438]; *һунңь-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 348]; *һудэй-* 'дуть (вообще)' (ср. орок. *пундэ-* 'раздувать ветром') < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 348];

12 bone 'кость' 4.16 *икири* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 302];

13 breast 'грудь (женская)' 4.41 *өкэн* (ср. чж. *һиһиһ*, ульч. *куэн*) < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 255];

14 to burn (intransitive) 'гореть' 1.852 *дур-* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 224];

15 to carry 'нести' 10.61 *төк-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 207];

16 child (kin term) 'ребенок' 2.43 *куңа* 'ребенок' < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 433]; *һут* 'ребенок (родственника)' < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 357];

17 to come 'приходить' 10.48 *эм-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 452];

18 to crush/to grind 'давить; дробить/молоть' 5.56 *чилка-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 393];

19 to cry/to weep 'плакать' 16.37 *һоң-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 111];

20 to do/to make 'делать' 9.11 *о-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 3];

21 dog 'собака' 3.61 *һин* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 661];

22 to drink 'пить' 5.13 *көл-* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 406];

23 ear 'ухо' 4.22 *корит* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 416];

- 24 to eat 'есть, кушать' 5.11 *жэб-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 279];
- 25 egg 'яйцо' 5.97 *умта* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 269];
- 26 eye 'глаз' 4.21 *иасал* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 292];
- 27 to fall 'падать' 10.23 *тик-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 177];
- 28 far 'далеко' 12.44 *гор, горла* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 161];
- 29 fire 'огонь' 1.81 *тоу* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 190];
- 30 fish 'рыба' 3.65 *олра* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 14];
- 31 flesh/meat 'мясо' 4.13 *улрэ* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 262];
- 32 fly 'муха' 3.83 *дылкэчэн* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 207];
- 33 to give 'давать' 11.21 *бө-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 99];
- 34 to go 'идти' 10.47 *хөр-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 130]; *нэн-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 669];
- 35 good 'хороший' 16.71 *ај* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 18];
- 36 hair 'волос' 4.14 *н'урит* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 648];
- 37 hard 'твёрдый' 15.74 *маң* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 529];
- 38 he/she/it/him/her 'он, она, оно' 2.931 *ноңьн* 'он, она (о человеке)' < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 611];
- 39 to hear 'слышать' 15.41 *долдь-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 214];
- 40 heavy 'тяжелый' 15.81 *ургь* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 283];
- 41 to hide (transitive) 'прятать' 12.27 *жай-* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 243];
- 42 to hit/to beat 'бить, ударять' 9.21 *эт-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 287];
- 43 horn 'рог' 4.17 *таңн'а* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 163];
- 44 house 'жилище, дом' 7.12 *жү-* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 266];
- 45 I/me 'я' 2.91 *би-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 79];
- 46 in в 12.012 аффикс дательного падежа *-ду* < т.-ма. : *-dua* [Benzing, 1955, SS. 79, 83];
- 47 knee 'колени' 4.36 *хэннэн* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 366];
- 48 to know 'знать' 17.17 *ха-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 49];
- 49 to laugh 'смеяться' 16.25 *ин'ин-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 319];
- 50 leaf 'лист' 8.56 *эбдэнрэ* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 5];
- 51 leg/foot 'нога' 4.35 *бөдэл* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 118];
- 52 liver 'печень' 4.45 *хакан* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 310];
- 53 long 'длинный' 12.57 *нонам* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 664];
- 54 louse 'вошь' 3.811 the head louse, 3.8112 the body louse *кумкэ* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 430];
- 55 mouth 'рот' 4.24 *амңа* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 38];
- 56 name 'имя' 18.28 *гэрбэ* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 180];
- 57 navel 'пупок' 4.43 *көлэкэ* < эвен. [ССТМЯ, 1975, с. 420];
- 58 neck 'шея' 4.28 *никан* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 591];
- 59 new 'новый' adjective 14.13 *анңамта* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 44];
- 60 night 'ночь' 14.42 *долбани* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 213];
- 61 nose 'нос' 4.23 *оңат* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 22];
- 62 not 'нет' 24.06 *ачча* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 60];
- 63 old 'старый' 14.15 *хәуды* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 53];

- 64 one 'один' 13.01 *өмэн* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 270];
- 65 rain 'дождь' 1.75 *удан* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 248];
- 66 red 'красный' 15.66 *хулан'а* (ср. ма. *фулака* 'светло-красный, розовый') < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 343];
- 67 root 'корень' 8.54 *һиңтэ* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 662];
- 68 rope 'веревка' 9.19 *уси* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 290];
- 69 to run (intransitive) 'бежать' 10.46 *тут-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 223];
- 70 salt 'соль' 5.81 *так* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 153];
- 71 sand 'песок' 1.215 *иңа* 'песок' < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 320]; *он'иң* 'песок' < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 20]; *булэ* 'песок' < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 109];
- 72 to say 'говорить' 18.22 *төрэ-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 222]; *гән-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 171];
- 73 to see 'видеть' 15.51 *ит-* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 334];
- 74 shade/shadow 'тень' 1.63 *һин'ан* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 315];
- 75 skin/hide 'кожа, шкура' 4.12 *нанра* 'кожа, шкура (животного)' < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 583]; *илрэ* 'кожа (человека)' < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 310];
- 76 small 'маленький' 12.56 *көчүкэн* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 421];
- 77 smoke 'дым' 1.83 *һаһин* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 63];
- 78 soil 'почва' 1.212 *төр* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 217];
- 79 to stand 'стоять' 12.15 *илат-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 302];
- 80 star 'звезда' 1.54 *осикат* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 27];
- 81 stone/rock 'камень' 1.44 *жол* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 263];
- 82 to suck 'сосать (грудь)' 5.16 *өк-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 255];
- 83 sweet 'сладкий' 15.35 *далра* < тунг. [ССТМЯ, 1975, с. 195];
- 84 tail 'хвост' 4.18 *һоузи* 'хвост' < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 329];
- 85 to take 'брать, взять' 11.13 *га-* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 133];
- 86 thick 'толстый' 12.63 *дырам* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 207];
- 87 thigh 'бедро' 4.351 *дэвки* 'бедро' < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 218];
- 88 this 'это' 24.07 *эр* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 460];
- 89 to tie 'завязывать' 9.16 *уй-* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 250];
- 90 tongue 'язык' 4.26 *ёнңэ* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 316];
- 91 tooth 'зуб' 4.27 *ит* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 300];
- 92 water 'вода' 1.31 *мө* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 548];
- 93 what? 'что?' 17.64 *иак* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 286];
- 94 who? 'кто?' 17.68 *һи?* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 660];
- 95 wide 'широкий' 12.61 *калбин* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 365]; *дэмңэ* < эвен. [ССТМЯ, 1975, с. 234]; *эмңэ* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 450];
- 96 wind 'ветер' 1.72 *эдэн* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 438]; *һунңэ* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 348];
- 97 wing 'крыло' 4.392 *дэтлэ* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 231];
- 98 wood 'древесина' 1.43 *мо* < т.-ма. [ССТМЯ, 1975, с. 540];
- 99 yesterday 'вчера' 14.49 *тиһив* < тунг. [ССТМЯ, 1977, с. 184];
- 100 you (singular) 'ты' 2.92 *һи* < т.-ма. [ССТМЯ, 1977, с. 72].

Discussion (Дискуссия).

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса, необходимо указать на наличие синонимов: пп. 8, 9, 11, 16, 71, 72, 75, 95, 96.

Необходимо отметить, что большинство слов фонда имеют тунгусо-маньчжурское происхождение: пп. 1, 2, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 70, 71, 72, 74, 77, 79, 80, 82, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100.

С опорой на данные Г. Дёрфера можно указать время и место их происхождения. Данные слова возникли до 3 века н.э. в местах, примыкающих к морскому региону [Doerfer, 1985, SS. 248, 279-283, 296-297].

К тунгусской группе относятся: пп. 4, 5, 7, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 23, 31, 36, 38, 41, 43, 44, 47, 54, 65, 67, 69, 71, 72, 73, 75, 76, 78, 81, 83, 84, 89, 96, 99 фонда.

Данные слова возникли после 5 века н.э. в местах, примыкающих к морскому региону с запада и севера, после отделения тунгусского промежуточного праязыка от пратунгусо-маньчжурского, а также в Циркумбайкальском регионе в 12 – 16 веках н.э. [Doerfer, 1985, SS. 279-283, 296-297].

Основная масса слов представлена эвенкийско-эвенскими параллелями, которые свидетельствуют об общих инновациях.

Тем не менее имеются эвенские слова, не имеющие очевидных эвенкийских, негидальских и солонских параллелей: пп. 14, 71. Этот разряд слов как будто свидетельствует об отделении эвенского языка не от эвенкийского, а от промежуточного тунгусского праязыка, так как не приводятся параллели из эвенкийского, солонского и негидальского. Однако на основе учёта фонетических, морфологических и семантических особенностей обнаруженных параллелей эвенкийского языка указанные эвенские слова можно отнести к эвенкийско-эвенскому пласту лексики.

Эвенское *дур-* ‘гореть’ имеет параллели в виде эвенк. *лурги-* < *нурги-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 512] и *жүру* ‘головёшка’, *жүрүн* ‘зола (с огнём)’ [ССТМЯ, 1975, с. 277]. Дело в том, что в эвенкийском языке начальный смычный звонкий согласный *д-* через ступень носового согласного *н-* переходит в согласный *л-*, например: як. *даарга* ‘нерпа’, ‘тюлень’ (< рус. *ларга*) > эвенк. *дааргэ, нааргэ, лаарга* ‘ларга’, ‘нерпа’ ‘тюлень’ [ССТМЯ, 1975, с. 494]. Кроме того, в эвенк. *лурги-* (< *нурги-*) ‘гореть’ обнаруживается глагольный суффикс переходности *-ги, -гии, -ки, -кии* [Василевич, 1958, с. 750], ср. эвен. *нэргу-* ‘развести огонь’. Далее, в эвенкийском происходит ослабление согласного *д-* в *ж-*, ср. *далбу-*, *жалбу-* ‘клеить’ [ССТМЯ, 1975, с. 192]; *далба, жалба* ‘полка’ [ССТМЯ, 1975, с. 193]; *дисил-*, *жисил-* ‘киснуть’ [ССТМЯ, 1975, с. 208]. В этой связи, в эвенкийских словах *жүру* ‘головёшка’, *жүрүн* ‘зола (с огнём)’ уместно видеть связь с эвенским глаголом *дур-* ‘гореть’. Поэтому вполне очевидно, что эвенское *дур-* ‘гореть’ может иметь указанные параллели в эвенкийском языке.

Эвенское *он'иң* 'песок, пыль', 'глина', 'могила', 'песчаный, пыльный' параллельно орокскому *хоңокто* 'песок', ороческому *он'окто* 'грязь', удэгейскому *он'окто* 'песок' и как будто не имеет очевидных параллелей в эвенкийском, солонском и негидальском. На мой взгляд, эвенское слово имеет параллель с эвенкийской глагольно-именной формой *оңноо* 'речка, высыхающая летом', 'высыхать о речке летом' [ССТМЯ, 1977, с. 21]. Попытаюсь обосновать это сравнение. Следы эвенкийского согласного комплекса *-ңн-* отразились в виде эвенского согласного *-н-*, орокского *-ң-*, удэгейского и ороческого *-н'*. Падение одного из компонентов в стечениях согласных – вещь вполне обычная в тунгусо-маньчжурских языках [Benzing, 1955, SS. 32, 39, 44, 47]. Причём в орокском *хоңокто* 'песок' обнаруживается протетический начальный *х-* [Shirokogoroff, 1930]. В эвенском *он'иң* 'песок, пыль' обнаруживается аффикс *-ң*, посредством которого производятся имена от имён (ср. эвенк. *һэгди* 'величина', 'большой' > *һэгдиңэ* 'власть', 'большой', 'старший' [Василевич, 1958, с. 778]). В орокском *хоңокто* 'песок', ороческом *он'окто* 'грязь', удэгейском *он'окто* 'песок' выявляется аффикс *-кта*, образующий имена от глаголов и обозначающий что-либо мелкое, встречающееся в больших скоплениях (ср. эвенк. *һанман-* 'расплодиться' > *һанмакта* 'комар', 'период комаров (июнь)' [Василевич, 1958, с. 764]). С семантической точки зрения, связь значений 'дна высохшей речки' и 'песок', 'глина' более чем очевидна, так как зачастую в местах жизнедеятельности эвенков дно рек и речек является песчаным или глиняным.

В некоторых случаях отнесение эвенского слова к тунгусской группе не очевидно, вследствие отсутствия параллелей в родственных языках: пп. 43, 76.

Эвенское *таңн'а* 'рог' скорее всего образовалось от эвенкийской глагольно-именной формы *таңа* 'кость (побелевшая от времени)', 'тощий, сухой, худой', 'истощаться, худеть' [ССТМЯ, 1977, с. 162] с участием аффикса *-н'а*. При помощи аффикса формируются имена от имён, а также имена от глаголов, ср. эвен. *бөгэ* 'наледь', 'накипень (лёд бугром на роднике, намерзлые кочки, бугры)' > *бөүэн'э* 'гряда, вал, возвышенность' [ССТМЯ, 1975, с. 87], *бөлтөн-* 'вытаращить (глаза)' > *болдан'а* 'человек с расширенными зрачками', *бөлтөгэ*, *бөлтөн'э*, *бэлтэн'э* 'выпуклый', 'лупоглазый', 'с расширенными зрачками' [ССТМЯ, 1975, с. 109].

Эвенское *көчүкэн* 'маленький' прямо сравнивается с восточноэвенкийским *кучукон* (записано со слов информатора по восточноэвенкийскому Е.В. Нестеровой) и *н'укучуку*, *н'укучүкэн* [ССТМЯ, 1975, с. 645] оба со значением 'маленький'. Вероятнее всего в последнем слове обнаруживается элемент усиления *н'у*, ср. як. *ни* препозитивная частица для усиления вопроса [ДСЯЯ, 1976, с. 174].

В фонде имеются слова, распространенные только в эвенском языке: пп. 57,95. На мой взгляд, указанные слова возникли в результате отделения эвенского от эвенкийского в Якутии после 14 века, так как именно в это время происходит экспансия якутов из Циркумбайкальского региона [Новгородов, 2016, с. 134], вызвавшая движение эвенков на северо-запад и северо-восток.

Особо следует выделить слово, возникшее в самом восточном наречии: п. 1, что свидетельствует об активных процессах словообразования. Слово параллельно диалектному юкагирскому *этэргэн* в том же значении.

На мой взгляд, эвенское *этьргэн* ‘муравей’ возникло так или иначе на базе эвенкийско-эвенского словообразования. Речь идёт об однокоренном слове: эвенк. *һэтэкӯ-*, *этэку-* ‘прыгать’, эвен. *һэтэкэн-*, *этькьн-* ‘побежать, помчаться’ [ССТМЯ, 1977, с. 372]. В обоснование развития значения ‘муравей’ от глагола движения приводится ассоциативная связь между аудиовизуальным образом ‘муравьёв’ (*этэргэр*) и быстрым движением (*тут-* ‘бежать’, *һоңна-* ‘двигаться’, *һинмача* ‘быстрее’) у эвенов, а также то, что у монголов обозначение муравья возникло на базе глагола движения, ср. ср.-монг. *ᠰᠪᠠᠯᠢ*, *ᠰᠢᠮᠠᠯᠢ* ‘муравей’ < *мо. *ᠰᠪᠢ-* ‘идти гуськом, вереницей’ (ср. м.-п. *ᠰᠪᠢ-* id.). Эвенское *этьргэн* ‘муравей’ представлено словарным гнездом: *этэргэм-* ‘пахнуть муравьями’, *этэргэмнэн* ‘изобилующий муравьями (о местности)’, *этэргэмэн* ‘муравьед’. Эти доводы обосновывают собственно эвенское происхождение слова, имеющего параллель в юкагирском языке. На мой взгляд, эвенское *этьргэн* ‘муравей’ проникло в верхнеколымский диалект юкагирского языка *этэргэн* id.

Conclusion (Заключение).

В заключение отметим, что на основании сравнительного изучения выявленного фонда установлено, что восточное наречие эвенского языка 1) начало формироваться в недрах тунгусо-маньчжурского праязыка до 3 века н.э. в местах, примыкающих к морскому региону; 2) развивалось а) в тунгусском промежуточном праязыке в местах, примыкающих к морскому региону с запада и севера после 5 века н.э., б) в эвенкийском языке в Циркумбайкальском регионе в 12 – 16 веках н.э., в) в Якутии после 14 века, после отделения эвенского языка от эвенкийского, причём в настоящее время наблюдаются активные процессы словообразования.

Так как авторы «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» приводят значительное число сходств из различных идиом, то в дальнейшем предстоит изучение эвенско-иноязычных параллелей устойчивого словарного фонда для установления связей эвенов с другими народами.

Библиографический список

- Василевич, Г.М.* Суффиксы и частицы / Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 802 с.
- Дыбо, А.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: Prosper Print, 2013. 616 с.
- Клоусон, Дж.* Лексикостатистическая оценка алтайской теории // Вопросы языкознания. 1969. №5. С. 22-41.
- Гаджиева, Н.З.* К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 100-126. 208 с.
- Гаджиева, Н.З.* Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

- Комри, Б.* Язык и доистория: к многодисциплинарному подходу // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 28-31.
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд восточного наречия эвенкийского языка / И. Н. Новгородов, Г. И. Варламова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Тверской государственный университет. 2019. № 40. С. 163-168. (а)
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд западного наречия эвенского языка / И. Н. Новгородов, В. С. Федоренкова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Тверской государственный университет. 2019. № 40. С. 168-174. (б)
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд северного наречия эвенкийского языка // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Тверской государственный университет. 2018. № 40. С. 253-256.
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд южного наречия эвенкийского языка // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Тверской государственный университет. 2018. № 42. С. 130-134.
- Новгородов, И.Н.* Международный научный симпозиум «Устойчивый словарный фонд тюркских языков как источник междисциплинарных комплексных исследований» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 3. С. 118-125.
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд тюркских языков. Якутск: Смик, 2016. 144 с.
- Старостин, С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Суник, О.П.* Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Издательство «Индрик», 1997. 408 с.
- Цинциус, В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1949. 342 с.
- Яхонтов, С.Е.* Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965. 115 с.
- Benzing, J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955. 151 S.
- Doerfer, G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Ikegami, J.* Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Volker. - Berlin : Akademik Verlag, 1974. – S. 271-272.
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia // Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). Pp. 1108-1116.
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Shirokogoroff, S.* Notes on bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // Rocznik orientalistyczny: Odbitka. T. VII. Lwow, 1930. Pp. 235-263.
- Swadesh, M.* Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // International Journal of American Linguistics. Vol. 21, No. 2 (Apr., 1955). Pp. 121-137.
- Tadmor, U.* Loanwords in the world’s languages: findings & results // Loanwords in the world’s languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.

Лексикографические источники

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. редактор В.И.Цинциус. Л.: Наука, Т. I, 1975, Т. II, 1977 [ССТМЯ 1975, 1977].

Афанасьев, П.С. Диалектологический словарь якутского языка / П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев М.: Наука, 1976 [ДСЯЯ].

Abbreviations (Сокращения)

ма. – маньчжурский язык.
*мо. – монгольский праязык.
м.-п. – монгольский письменный язык.
нан. – нанайский язык.
орок. – орокский язык.
рус. – русский язык.
ср-монг. – среднемонгольский язык.
ульч. – ульчский язык.
чж. – чжурчженьский язык.
эвен. – эвенский язык.
эвенк. – эвенкийский язык.
як. – якутский язык.

References

- Benzing, J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik Wiesbaden, 1955. 151 S.
- Cincius, V. I.* Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskih yazykov [Comparative phonetics of the Tungus-Manchu languages.]. – L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosvetsheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, 1949. – 342 s. (in Russian)
- Clauson, G.* Leksikostatisticheskaya ocenka altajskoj teorii [Lexicostatistical assessment of the Altai theory.] // *Voprosy yazykoznanija*, 1969, №5. – Ss. 22-41. (in Russian)
- Comrie, B. Y.* YAzyk i doistoriya: k mnogodisciplinarnomu podhodu [Language and prehistory: towards a multidisciplinary approach.] // *Voprosy yazykoznanija*, 2000, № 5. Ss. 28-31. (in Russian)
- Doerfer, G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Dybo, A. V.* Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Tom 9 (dopolnitel'nyj). Etimologicheskij slovar' bazisnoj leksiki tyurkskih yazykov [Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Volume 9 (optional). Etymological dictionary of a basic vocabulary of the Turkic languages.]. Astana: Prosper Print, 2013. 616 c. (in Russian)
- Gadzhieva, N. Z.* K voprosu o klassifikacii tyurkskih yazykov i dialektov // *Teoreticheskie osnovy klassifikacii yazykov mira* [On the question of the classification of the Turkic languages and dialects // *Theoretical foundations of the classification of the languages of the world.*]. M.: Nauka, 1980. Ss. 100-126. 208 p. (in Russian)
- Gadzhieva, N. Z.* Tyurkskie yazyki // *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [The Turkic languages // *Linguistic encyclopedic dictionary.*]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. 685 s. (in Russian)
- Ikegami, J.* Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // *Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Volker.* - Berlin : Akademik Verlag, 1974. – S. 271-272.
- Novgorodov, I. N.* Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium «Ustojchivyj slovarnyj fond tyurkskih yazykov kak istochnik mezhdisciplinarnyh kompleksnyh issledovanij» [The International Scientific Symposium "The Leipzig-Jakarta list of the Turkic languages as a source of interdisciplinary complex research".] // *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk.* 2017. № 3. Ss. 118-125. (in Russian)
- Novgorodov, I. N.* Ustojchivyj slovarnyj fond severnogo narechiya evenkijskogo yazyka [The Leipzig-Jakarta list of the Northern dialect of the Evenki language.] // *Inostrannye yazyki:*

- lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. 2018. № 40. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet. Ss. 253-256. (in Russian)
- Novgorodov, I. N.* Ustojchivyy slovarnyj fond tyurkskih yazykov [The Leipzig-Jakarta list of the Turkic languages.]. YAkutsk: Smik, 2016. 144 s. (in Russian)
- Novgorodov, I. N.* Ustojchivyy slovarnyj fond yuzhnogo narechiya evenkijskogo yazyka [The Leipzig-Jakarta list of the Southern dialect of the Evenki language.] // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. 2018. № 42. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet. Ss. 130-134. (in Russian)
- Novgorodov, I. N., Fedorenkova, V. S.* Ustojchivyy slovarnyj fond zapadnogo narechiya evenskogo yazyka [The Leipzig-Jakarta list of the Western dialect of the Even language.] // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet. 2019. № 40. Ss. 168-174. (b) (in Russian)
- Novgorodov, I. N., Varlamova, G. I.* Ustojchivyy slovarnyj fond vostochnogo narechiya evenkijskogo yazyka [The Leipzig-Jakarta list of the Eastern dialect of the Evenki language.] // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2019. № 40. Ss. 163-168. (a) (in Russian)
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia // Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). Pp. 1108-1116.
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. – Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Shirokogoroff, S.* Notes on bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // Rocznik orjentalistyczny: Odbitka. T. VII. Lwow, 1930. Pp. 235-263.
- Starostin, S. A.* Altajskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka [The Altaic problem and an origin of the Japanese language.]. M.: Nauka, 1991. 296 s. (in Russian)
- Sunik, O. P.* Tunguso-man'chzhurskie yazyki // YAzyki mira: mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. YAponskij yazyk. Korejskij yazyk [Languages of the World: the Mongolian Languages. The Tungus-Manchu languages. The Japanese language. The Korean language.]. M.: Izdatel'stvo "Indrik", 1997. 408 c. (in Russian)
- Swadesh, M.* Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // International Journal of American Linguistics. Vol. 21, No. 2 (Apr., 1955). Pp. 121-137.
- Tadmor, U.* Loanwords in the world's languages: findings & results // Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.
- Vasilevich, G. M.* Suffiksy i chasticy // Vasilevich G.M. Evenkijsko-russkij slovar' [Suffixes and particles // Vasilevich G.M. Evenki-Russian dictionary.]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. 802 c.(in Russian)
- Yahontov, S. E.* Drevnekitajskij yazyk [The Ancient Chinese language.]. M.: Nauka, 1965. 115 s. (in Russian)

Lexicographic sources

- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovarju [A Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary.] / Otv. redaktor V.I.Cincius. – L.: Nauka, T. I, 1975, T. II, 1977 [SSTMYA 1975, 1977].
- Afanas'ev, P.S., Voronkin, M.S., Alekseev, M.P.* Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka [A Dialectological dictionary of the Yakut language.]. M.: Nauka, 1976 [DSYAYA].